

Стоя в ванной, У Ваньи молча разглядывал цветочный бутон, укоренившийся в его пупке.

Внешний ряд плотно прилегающих друг к другу лепестков уже раскрылся, налившись кроваво-красным цветом. Внутренние лепестки всё ещё оставались нежно-розовыми, но сквозь них уже смутно проглядывали золотистые тычинки.

Да и клеймо на животе потеряло былые блёклые очертания. Теперь оно проступило ярко, отчётливо, словно пульсируя золотисто-алым свечением сквозь бледную кожу.

Мучительная жажда и тревога изводили его, будто тысячи муравьев копошились под кожей, но лицо У Ваньи оставалось бесстрастным, словно эта проникающая до самых костей пытка его не касалась.

Одевшись, он как ни в чём не бывало приоткрыл дверь. Взгляд его потеплел, стоило ему увидеть Ми Юньцзиня, который сидел в саду, греясь на солнышке с закрытыми глазами.

Внизу живота поднялась нестерпимая волна вожделения. У Ваньи с трудом сглотнул.

Он медленно поднял руку, словно лаская щеку любимого через оконное стекло.

Очнувшись, Ми Юньцзинь обнаружил над головой солнцезащитный зонт.

Он разомкнул веки и долго вглядывался в пустоту, прежде чем осознал, что снова заснул.

— У Ваньи, — негромко позвали его губы.

Тишина вокруг осталась безветренной и безответной.

Но не успел он подняться, как со стороны ворот показался У Ваньи. В руках он нёс изящную, красиво упакованную коробку.

Заметив, что Ми Юньцзинь проснулся, У Ваньи прибавил шаг.

— Проснулся? — спросил он, подходя ближе.

Ми Юньцзинь кивнул:

— Да.

Посмотрев на коробку в его руках, он спросил:

— Что это?

Заметив недоумение в его глазах, У Ваньи крепче сжал пальцы, но ответил ровным голосом:

— Печенье. Соседка угостила.

— Соседка? — Ми Юньцзинь на мгновение задумался, а затем мягко улыбнулся: — Ах, та милая девушка.

Пока Ми Юньцзинь пытался вспомнить, У Ваньи изнывал от тревоги, но когда тот так легко оживил этот образ в памяти, в душе его шевельнулось глухое раздражение.

Мысли Ми Юньцзиня текли медленнее обычного, однако к переменам в настроении партнёра он оставался на удивление чуток.

— Что не так? Из-за чего ты расстроился? — с улыбкой спросил он.

У Ваньи лишь упрямо поджал губы и промолчал, садясь рядом на край шезлонга.

Ложе было узким, двоим взрослым мужчинам на нём никак не уместиться.

Однако Ми Юньцзинь ничуть не возражал против тесноты. Он обхватил У Ваньи за талию и мягко усадил к себе на колени, устраивая их обоих поудобнее.

У Ваньи молча созерцал пожухлую траву под ногами, как вдруг тихо спросил:

— Что, если однажды ты совсем меня забудешь?

Едва сорвавшись с губ, эти слова заставили его горько пожалеть о содеянном.

«Зачем я это спросил? Я ведь меньше всего хочу напоминать ему о его увядании. Что, если он вспомнит то, чего вспоминать не должен?»

Сердце У Ваньи сжалось от подступившего страха. Поджав губы, он поспешно добавил:

— Забудь. Я глупость сморозил.

Он порывался подняться, но Ми Юньцзинь крепче обнял его за талию, прижимаясь тёплой грудью к его спине.

— Я никогда тебя не забуду.

Голос Ми Юньцзиня звучал всё так же размеренно, чисто и певуче.

Если не считать серебра, постепенно захватывающего длинные волосы, и слабеющей памяти, его облик ничуть не изменился под гнётом времени.

Пожалуй, для У Ваньи это оставалось единственным утешением.

Это дарило ему призрачную надежду, подпитывая иллюзию, будто увядание Ми Юньцзиня — лишь временный недуг. Стоит перетерпеть эту невзгоду, и всё вернётся на круги своя.

Этот мягкий, точно весеннее дуновение, голос ненадолго унял душевную тревогу, но следом нахлынула щемящая грусть.

— Люди... всегда в конце концов всё забывают, — едва слышно проронил У Ваньи.

Ми Юньцзинь устремил взор к блеклому небу и нежно ответил:

— То, что запечатлено в сердце, забыть невозможно.

Грудь У Ваньи болезненно сжалась, к горлу подкатил горький ком, а глаза защипало от слёз.

— Который час? — тихо спросил Ми Юньцзинь.

У Ваньи глубоко вздохнул и с напускным спокойствием бросил, даже не глядя на часы:

— Четыре.

Но он лгал — он даже не пытался узнать время.

Ми Юньцзинь посмотрел на заходящее солнце, лениво катящееся к горизонту, а затем перевёл взгляд на безмятежное лицо У Ваньи. В повисшей тишине сердце Ми Юньцзиня слабо кольнуло смутное предчувствие.

«Кажется... я забываю что-то невероятно важное».

Ми Юньцзиню потребовалось немало времени, чтобы осознать всю тяжесть обрушившейся на него старости.

Увядание не ограничивалось прибывающей сединой — его мысли путались, а разум и тело становились всё более неповоротливыми.

Порой он часами сидел на качелях в саду и незаметно засыпал, разнеженный ласковым солнцем.

Пробудившись, он уже не мог вспомнить, чем занимался мгновение назад. Он лишь бездумно созерцал закат, провожая очередной уходящий в небытие день.

А ведь прежде он не знал ни сна, ни усталости. С тех пор как он крошечным ростком пробился сквозь толщу земли, его цветение началось почти мгновенно — бурное, пышное, длившееся без малого сотню лет.

Но старость настигла его внезапно и беспощадно, уложившись в считанные дни.

Впервые в жизни Ми Юньцзинь познал бессилие перед лицом уходящего времени, даже не успев толком осознать масштабы катастрофы.

Он мог просидеть в саду от рассвета до заката, не ведая, что успел сотворить за день, а что упустил.

Пришло горькое понимание: он медленно увядает под неумолимым бегом времени.

И всё же глубоко в душе теплилась смутная тревога — инстинкт настойчиво твердил, что он должен завершить некое судьбоносное дело.

Ми Юньцзинь заставил свой сонный разум работать, обращая внимание на мелочи, которые раньше ускользали от него.

И сквозь завесу тумана он наконец заметил странности в поведении У Вань.

Пока его память безвозвратно таяла, У Вань то и дело мягко подсказывал ему забытые детали.

Особенно это касалось времени.

До сих пор у него не возникало ни тени сомнений. Он безоговорочно верил У Вань. Их дни тянулись безмятежно и мирно, ничем не отличаясь от прежней жизни.

Любоваться тем, как У Вань поливает цветы в залитом солнцем саду, было его любимым занятием.

Но всё изменилось в тот день, когда он застал У Вань за странным занятием: тот дрожал и иступлённо кусал собственные пальцы. Слюна стекала по его запястью, капая на нежные лепестки, а сам он с безумным вожделением в чёрных глазах уставился на капли нектара в самой сердцевине цветка.

В этот миг густой туман в голове Ми Юньцзиня мгновенно рассеялся, и пред его мысленным взором чередой ярких вспышек пронеслись обрывки утерянных воспоминаний.

Это было самое обычное утро, разве что погода не задалась: из-за ночного заморозка сад заволокло густым, липким туманом, который никак не желал рассеиваться.

Ми Юньцзинь проснулся на удивление рано и внезапно вспомнил, что цветы до сих пор не политы.

Выйдя на порог, он замер. Посреди укутанной белесой пеленой клумбы на корточках сидел У Вань.

Осунувшееся лицо У Вань казалось пугающе резким и бледным, а в глазах горел такой голод, что он казался загнанным зверем, чьё нутро до капли выжгло безудержное вожделение.

В ту секунду Ми Юньцзиня пронзила страшная мысль: он уже очень давно не поил У Вань своим нектаром.

Сколько прошло времени? Час? День? Или целая вечность?

Он помнил лишь, как раз за разом спрашивал: «Тебе не больно?»

И У Вань неизменно отвечал: «Нет, совсем не больно».

Всякий раз, когда Ми Юньцзинь интересовался временем, У Вань называл случайные часы — то десять, то час дня, то пять вечера. Он намеренно путал его, чтобы тот упустил срок, который сам же когда-то себе наметил.

И теперь, стряхнув морок, Ми Юньцзинь с ужасом осознал: он не поил его уже несколько суток.

А У Ваньи безропотно сносил эту муку.

Он держался перед ним спокойно и непринуждённо, пряча страдания за маской равнодушия, словно ничего не происходило.

Разум Ми Юньцзиня прояснился. Многодневная сонная одурь отступила в одно мгновение, а мощный инстинкт оплодотворения и продолжения рода окончательно вернул ему былую силу чувств.

— У Ваньи, — позвал он.

Туман дрогнул и рассеялся. Ослепительный золотой луч пробился сквозь плотные тучи, в один миг залил землю ярким светом.

Взгляд Ми Юньцзиня, устремлённый на согбенную спину У Ваньи, затуманился нежностью и состраданием.

Услышав его голос, У Ваньи вздрогнул.

Он медленно обернулся и посмотрел на статную, выпрямившуюся фигуру Ми Юньцзиня. В груди его тут же всколыхнулась волна необъяснимой тревоги.

Глаза Ми Юньцзиня сияли непривычно ярко, точно объятые золотым пламенем факелы.

Вся его многодневная вялость испарилась без следа.

Тронутые благородной сединой волосы, рассыпавшиеся по плечам, по-прежнему кололи взгляд своей пестротой, но теперь они струились живым, шелковистым блеском.

Лицо его сияло здоровьем и небывалой силой.

Оно было прекрасным... прекрасным, словно угасающая свеча, внезапно вспыхнувшая перед тем, как окончательно погаснуть в темноте.

У Ваньи медленно поднялся на ноги, не сводя с него молчаливого взгляда.

Его испуганно затрепетавшее сердце сперва сжалось от боли, а затем рассыпалось невесомым серым пеплом, оставив в груди лишь звенящую пустоту.

Он понял: последние крупницы песка неумолимо ускользают сквозь его плотно сжатые пальцы.

— У Ваньи, — вновь донеслось от дверей.

— Я здесь, — глухо отозвался он.

У Ваньи двинулся вперёд — тяжело, медленно, словно ступая под своды склепа.

Их последнее время пришло. В этот самый обычный, туманный день.

Подойдя вплотную к Ми Юньцзиню, У Ваньи замер.

Он изо всех сил пытался сохранить бесстрашие, но даже не подозревал, сколько невыносимой скорби застыло в его глазах.

Слова застряли комом в горле. Он отвернулся и прикрыл веки, страшась смотреть ему в лицо.

— Почему ты сегодня так рано? — сипло спросил он, отчаянно стараясь казаться равнодушным.

Но суровую правду невозможно было скрыть.

Ми Юньцзинь мягко улыбнулся:

— Мне просто больше не спится.

У Ваньи вскинул голову и, встретившись с его нежным взглядом, почувствовал, как его хрупкая защита дала трещину.

Он поспешно опустил глаза, но мир перед ним уже поплыл от подступивших слёз.

— Ещё слишком рано. Иди поспи ещё немного.

— Не стоит. Времени почти не осталось.

Этот простой ответ едва не сокрушил У Ваньи.

«Времени почти не осталось... Неужели с этого мгновения каждая секунда нашей жизни пойдёт на вес золота?»

— Пожалуйста, поспи ещё, — хрипло, почти не узнавая собственного голоса, взмолился У Вань. Он мёртвой хваткой вцепился в садовую лопатку, даже не замечая, как в его словах сквозит отчаянная мольба.

Он хотел, чтобы всё было как прежде: чтобы Ми Юньцзинь спал до тех пор, пока солнце не поднимется высоко над горизонтом, а после лениво щурился на лавочке.

А он, У Вань, убирал бы дом, поливал цветы и просто сидел рядом, неторопливо проживая их тихое общее счастье.

Ми Юньцзинь бережно взял его за руку и одну за другой разжал судорожно стиснутые ладони.

У Вань держал лопатку так крепко, что содрал кожу на пальцах, но даже не почувствовал боли.

Забрав у него инструмент, Ми Юньцзинь ласково произнёс:

— Разве не жаль тратить такой чудесный день на сон?

Сердце У Вань болезненно сжалось. В нём закипала ярость, ему хотелось закричать, встряхнуть Ми Юньцзиня, заставить его посмотреть в глаза и объяснить, что всё это значит!

Но в итоге он лишь слабо сжал его пальцы и тут же бессильно отпустил их.

Бесполезно.

Ничего уже не исправить.

Он стоял, понутив голову, и молчал бесконечно долго.

Королевская Гавань

Стража патрулировала улицы...

Три дня спустя

Город изменился...

Тирион

Карлик медленно поднялся по ступеням...

Флэшбек (воспоминание)

Тем вечером, он тренировался...

Восемь часов утра

У Ваньи заворожённо и отрешённо созерцал безмятежное лицо Ми Юньцзиня.

Тот бережно обрабатывал его исцарапанные пальцы целебным снадобьем и вкрадчиво расспрашивал:

— Чем ты занимался на рассвете?

— Рыхлил землю, — едва слышно выдавил У Ваньи.

Ми Юньцзинь мягко сжал его ладонь и тепло улыбнулся:

— Хорошо. Тогда давай закончим это вместе.

У Ваньи с трудом сглотнул подступившие слова, но так и не решился ничего сказать. Он лишь опустил взгляд, заворожённо глядя на их переплетённые пальцы.

То ли это было наваждением, то ли розы пустыни сегодня и впрямь горели небывало ярким цветом.

В лучах разгорающегося солнца последние остатки тумана растаяли. Крупные, чистые, как слеза, капли росы тяжело скатывались с алых, сочных лепестков. Воздух наполнился свежестью, и весь сад словно дышал пугающей, торжествующей жизнью.

У Ваньи поджал губы и опустился на корточки рядом с Ми Юньцзином.

Он наблюдал, как белоснежные, безупречные пальцы возлюбленного пачкаются в чернозёме. Этот резкий контраст белизны кожи и тёмной земли приковывал взгляд, мешая отвернуться.

Вдруг его внимание привлекла крошечная зелёная гусеница, копошащаяся в рыхлой почве. Ми Юньцзинь замер, осторожно поднёс ладонь к самой земле, и крошечное создание медленно переползло на его палец.

Этот червячок вовсе не вызывал отвращения. Напротив, застыв на бледной коже, словно капля нефрита на белом фарфоре, он заставлял невольно восхититься хрупким чудом жизни.

Ми Юньцзинь бережно перенёс гусеницу на зелёный лист в глубине клумбы и тихо напутствовал:

— Ползи, маленькая.

Та шевельнула крошечной головой и скрылась в густой листве.

У Ваньи угрюмо уставился ей вслед, чувствуя одновременно горечь и злость от того, что даже такое ничтожное существо удостоилось милосердия Ми Юньцзиня.

Он резко отвёл взгляд, вырвал лопатку из рук партнёра и принялся остервенело копать землю, словно в яростном порыве стремился разворотить клумбу и уничтожить все эти проклятые цветы.

Ми Юньцзинь не пытался его остановить. Он лишь смотрел на его буйство с мягким, любящим прищуром.

Всласть наработавшись, У Ваньи с силой швырнул лопатку в грязь и с вызовом уставился на него покрасневшими глазами:

— Что смешного? Вот возьму и выкопаю все твои ненаглядные цветы!

Он ненавидел эту безмятежную улыбку.

«Почему в его взгляде столько лёгкости и покоя? Это ранит меня сильнее ножа! Неужели он так ждёт собственной смерти?»

Ми Юньцзинь лишь сощурился от удовольствия:

— Что ж, копай.

У Ваньи резко поднялся и со всей силы пнул лопатку, отчего та отлетела в сторону.

«Лжец! Прекрасно ведь знает, что я никогда этого не сделаю».

Девять часов утра

У Ваньи стоял, прижавшись спиной к стволу дерева, пока их губы сливались в глубоком, исступлённом поцелуе.

Стена его упрямого сопротивления, которую он возводил столько дней, рухнула в одно мгновение.

Тело У Ваньи обмякло, в глазах помутилось, и он наверняка упал бы, если бы Ми Юньцзинь крепко не удерживал его за затылок.

Он приоткрыл рот, жадно, судорожно втягивая воздух и влагу, точно желая растерзать эти губы, искусать их в кровь и поглотить без остатка.

Бутон в его пупке затрепетал, начиная набухать и раздвигать полы одежды. Ми Юньцзинь скользнул ладонью под его рубашку, обнажая пылающее золотисто-алое клеймо на животе.

Когда они наконец оторвались друг от друга, их влажные, припухшие губы разделила тонкая серебристая нить слюны, которую Ми Юньцзинь бережно смахнул пальцем и вложил обратно в рот У Ваньи.

Внизу живота разлилось плотное, тягучее тепло. От этого томительного пресыщения уголки глаз У Ваньи подёрнулись влажным румянцем. Он опустил голову, молча созерцая бутон, раскрывшийся ещё на один круг лепестков.

Лишь спустя долгое время он судорожно сжал пальцами плечо Ми Юньцзиня. Его костяшки побелели, а на тыльной стороне ладони проступили тонкие вены.

Прижавшись лбом к широкой груди партнёра, У Ваньи отчётливо слышал мерный, спокойный стук его сердца.

Но эти сильные, ровные удары отзывались в его собственной душе сокрушительным грохотом поминального колокола.

Полдень

Поднялся прохладный ветер, раскачивая верхушки деревьев в саду.

У Ваньи молча взгляделся в лицо Ми Юньцзиня, а затем развернулся и ушёл в дом.

Спустя пару минут он вернулся, неся в руках яркого бумажного змея.

— Держи крепче, — сказал он, вкладывая моток бечёвки в ладонь Ми Юньцзиня.

Тот на мгновение опешил, но тут же лучезарно улыбнулся и притянул У Ваньи к себе, обнимая со спины.

— Давай вместе.

Крошечный сад казался тесным, но небо над ними раскинулось бесконечное и свободное.

Змей взмывал всё выше и выше, пока не превратился в едва различимую точку на фоне облаков.

У Ваньи скользнул взглядом по счастливому лицу Ми Юньцзиня и сам не заметил, как его губы тронула слабая улыбка. Но за ней тут же хлынула такая невыносимая горечь, что он поспешно поджал губы, сдерживая рвущийся вздох.

Внезапно Ми Юньцзинь оборвал нить, отпуская змея на волю ветра.

У Ваньи растерянно поднял голову, провожая взглядом улетающую игрушку, за которой волочился сиротливо извивающийся хвост верёвки.

В этот миг всё смешалось в его душе: облегчение и скорбь, бунтующая обида и леденящее отчаяние. Он судорожно обхватил себя руками за живот и согнулся пополам. Резкая боль и глухой голод, терзавшие его изнутри, требовали безумного, дикого смеха, но стоило ему приоткрыть губы, как из глаз брызнули горячие слёзы.

Ми Юньцзинь не проронил ни слова. Он лишь мягко повернул его к себе, целуя в дрожащие губы, и бережно стёр слезинки с уголков глаз.

У Ваньи всматривался в бездонную глубину его глаз. Столкнувшись с этим бесконечным, всепрощающим теплом, он часто-часто задышал, а его сердце заколотилось в груди, как пойманная птица.

Не выдержав, он обвил руками шею Ми Юньцзиня и отчаянно, почти исступлённо впился в его губы.

Три часа дня

У Ваньи сидел на коленях у Ми Юньцзиня, мерно раскачиваясь на качелях.

— Выше, — не отрывая взгляда от неба, попросил он.

— Хорошо.

Ми Юньцзинь крепче обхватил его за талию, и они взмыли в воздух.

У Ваньи подставил лицо порывам ветра. Влажная прохлада проникала сквозь поры глубоко под кожу, остужая разгорячённое тело и омывая его пустое, выжженное тоской сердце.

Устремив взгляд в затянутую тучами высь, он медленно разжал пальцы, отпуская руки Ми Юньцзиня.

— Ещё выше.

Качели взлетали всё круче, даря пьянящее чувство невесомости.

В этот миг У Ваньи почудилось, будто у него выросли крылья.

В его глазах отражалась безумная, граничащая с бредом жажда — на краткий миг ему захотелось сорваться в это бескрайнее небо, взлететь к самым облакам, а затем камнем рухнуть вниз.

Лишь бы прекратить эту невыносимую, затянувшуюся пытку.

Но он лишь зажмурился и вновь нащупал ладонь Ми Юньцзиня, крепко и нежно переплетая их пальцы.

Немного помолчав, он спросил сквозь свист ветра:

— Тебе хорошо со мной?

В затылок дохнуло мягким теплом и едва уловимым ароматом цветов.

— Очень хорошо.

Горячая волна вновь подступила к глазам, и слёзы сами собой покатались из-под плотно сомкнутых век.

С трудом разомкнув дрожащие губы, У Ваньи прошептал пересохшим голосом:

— Рад... Я так рад...

Ми Юньцзинь промолчал, лишь сильнее прижимая его к себе.

Шесть часов вечера

У Ваньи лежал на диване, лихорадочно блестящими глазами всматриваясь в лицо склонившегося над ним Ми Юньцзиня.

Он больше не противился его поцелуям, не подавлял бушующую в теле жажду и не испытывал страха перед цветком, распустившимся в его теле.

Полы его рубашки были раскинуты, обнажая грудь и живот. Цветок в пупке расцвёл полностью: на его лепестках темнел густой, зрелый багрянец, источающий пьянящее благоухание.

У Ваньи не отрывал взгляда от его лица, безропотно и жадно принимая всё, что тот ему даровал.

Сладкий нектар непрерывным потоком лился в его горло, а золотисто-алое клеймо на животе пульсировало ярким светом, словно наполненные жизненной силой вены, питающие кроваво-красный бутон.

У Ваньи медленно поднял руку, ведя пальцами от белоснежного виска Ми Юньцзиня вниз, к его шее.

Цветок на шее Ми Юньцзиня тоже преобразился. Он налился соком, распустившись вызывающе ярко. Его лепестки, окрашенные в хищный багрянец, тянулись вверх, обвивая горло до самого кадыка.

Сверкающие золотом тычинки сияли благородным, чистым светом, словно россыпь далёких звёзд.

Ми Юньцзинь смотрел на него сверху вниз — спокойно, умиротворённо, с той глубокой,

бездонной нежностью, в которой хотелось утонуть без остатка.

— Хочешь ещё? — негромко спросил он.

У Ваньки впился взглядом в его глаза. В этом затуманенном, пьяном взоре сквозила безраздельная покорность.

— Да, — хрипло выдохнул он.

Ми Юньцзинь запустил пальцы в его волосы, придерживая затылок, и У Ваньки послушно подался навстречу, приоткрывая губы для нового поцелуя.

«Отдай мне всё... Выпей меня до капли...»

У Ваньки прикрыл веки, но тут же вновь распахнул их и тихо, надтреснуто спросил:

— Тебе правда хорошо?

Ми Юньцзинь ласково улыбнулся:

— Очень хорошо.

В его глазах светилось такое искреннее, глубокое умиротворение, какое невозможно сыграть.

У Ваньки слабо улыбнулся:

— Вот и славно... Это самое главное...

За окном догорал летний закат — буйный, яростный, расплывающийся по небу каскадом сочных красок, точно пролитая на холст масляная краска. На этом величественном, пылающем фоне фигура Ми Юньцзиня казалась почти нереальной.

— Почему ты сегодня без конца спрашиваешь об этом?

У Ваньки бережно коснулся его щеки:

— В одной книге говорилось... если любишь кого-то, нужно сделать его счастливым.

Даже если ради этого счастья ему самому придётся испытать смертельный яд, разрывающий

плоть изнутри.

Ми Юньцзинь на мгновение замер, и его взгляд потемнел, став глубоким и сосредоточенным.

Он долго всматривался в лицо У Вань, а затем медленно наклонился и запечатлел на его губах невесомый поцелуй.

В нём не было ни страсти, ни голода. Только чистая, звенящая нежность.

Девять часов вечера

У Вань стоял на коленях на холодном кафеле ванной, его лицо горело лихорадочным румянцем.

Неодолимый, первобытный инстинкт цветения и опыления подчинял себе его разум, заставляя забыть о прежних страхах.

Но этой физиологической тяге противостояла сдерживаемая весь день лавина отчаяния и скорби. Она металась в его груди загнанным зверем, разрывая внутренности на части.

С затуманенными от слёз глазами он судорожно прижимал ладонь к низу живота.

Нежные лепестки щекотали кожу ладони. Стоило лишь слегка сжать кулак, и этот распутившийся бутон навсегда отломился бы от его плоти.

«Ми Юньцзинь...»

«Ми Юньцзинь!»

«Ми Юньцзинь...»

Он был на грани безумия. До боли стиснув зубы, У Вань давил в груди рвущиеся наружу крики.

Захлёбываясь отчаянием и горем, он метался по ванной, точно дикий зверь в тесной клетке.

Бессильный. Ничтожный. Способный лишь безмолвно выть от боли.

— У Вань, — негромко позвали из-за двери.

Он ниже опустил голову. Пальцы, упирившиеся в пол, подогнулись, когти со скрипом проехали по плитке, едва не ломаясь под тяжестью его веса.

С трудом поднявшись на ноги, он включил воду и подставил лицо под прохладные струи душа, смывая следы рыданий.

Сделав глубокий вдох, он уставился в зеркало покрасневшими, воспалёнными глазами, вглядываясь в собственное лицо, изуродованное горем.

Наконец он открыл дверь ванной, вернув лицу маску привычного спокойствия.

Если бы не заткавшие белки глаз лопнувшие сосуды, никто в мире не заподозрил бы, какая буря бушевала в его душе мгновение назад.

В спальне царил полумрак — свет решили не включать.

Луна скрылась за плотным саваном туч, предвещая скорый ливень.

Прежде У Вань терпеть не мог такую унылую, сырую темень, но сейчас был ей искренне благодарен.

Густой сумрак надёжно скрывал его бледное, дрожащее от вожделения тело.

Тёмно-зелёные, гибкие лозы беззвучно поползли по стенам спальни, в считанные мгновения плотным кольцом окружив постель.

У Вань впервые видел Ми Юньцзиня обнажённым. И пускай темнота набросила на комнату полупрозрачную серую вуаль, изящные изгибы его сильного тела и безупречно ровная линия поясницы манили к себе с неодолимой, пугающей силой.

И лишь сейчас У Вань понял, что диковинный цветок рос вовсе не на шее Ми Юньцзиня. Его мощные стебли поднимались от самой поясницы, оплетая всю лопатку и рассыпаясь по белоснежной коже спины буйным, завораживающим узором из багровых соцветий.

От этой пугающей, первозданной красоты у У Вань перехватило дыхание. Он лежал неподвижно, пока Ми Юньцзинь не склонился над ним, заглядывая в глаза.

— Ты готов? — тихо прошептал он.

У Ваньи перевёл туманный взгляд на его прекрасное лицо и издал тихий, похожий на стон вздох.

— Да.

Время бежало слишком быстро — безжалостно, стремительно, не желая подарить им даже лишний час.

Ми Юньцзинь коснулся губами его влажных ресниц и прошептал:

— Не плачь.

<http://bllate.org/book/20309/2214820>